

Бег
МАЙОРА ВОЛКОВА
НИКА ОБОЛЕНСКАЯ

Ника Оболенская

Беда майора Волкова

<https://litres.ru/74212802>

Аннотация

НОВИНКА ПРО СПЕЦНАЗ:

- Пойдем, Кэп, кофе тебя угощу. На мое щедрое предложение Волков качает головой: - Не думаю, что это хорошая идея. Всего доброго. Намекает мне на выход. Ну, нет! Сейчас играем по моим правилам! Сокращаю между нами расстояние и касаюсь губ первым поцелуем. Волков меня не отталкивает, но и отвечать не спешит. Мои щеки наверняка покраснелись. В расширенных зрачках Андрея вижу отражение собственному помешательству.

- Я уже большая девочка, Кэп. Со мной можно «по-плохому», - шепчу ему в губы. *** В первую нашу встречу он едва меня не утопил. Во вторую мы чуть не поубивали друг друга. Боюсь, третью одному из нас точно не пережить! Берегись, майор, потому что я обид не прощаю!

История про друга Андрея — Стаса Мартынова

Содержание

Глава 1. Земляника	4
Глава 2. Отдел по борьбе с... котиками	15
Глава 3. Беда Владимировна	27
Глава 4. Плохой капитан	39
Глава 5. Перец к кофе	48
Глава 6. Сироп и шипы	55
Глава 7. Звездец	68
Глава 8. Крыса	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Глава 1. Земляника

Данная книга предназначена для читателей старше 18 лет!

В книге присутствуют сцены употребления алкоголя, курения и сцены эротического содержания, ненормативная лексика.

Все события вымышлены, совпадения случайны.

Автор не призывает и не поощряет поступать так, как описано в данном художественном произведении.

Также автор напоминает, что распространение книг без его ведома и согласия является нарушением действующего законодательства РФ (ст.145 УК РФ).

Андрей

День был полное дерьмо, и ночь не лучше.

Сцеживаю зевок, стискивая челюсть. На часах четверть третьего, а мой дерьмовый марафон и не думает заканчиваться.

Вторую неделю пасем этих любителей ПАВов - и нихрена. Торчков заколебались гонять, а, один хрен, выйти на дилера не выходит (ПАВ – психоактивные вещества, растительного или синтетического происхождения, обладающие способностью изменять человеческое сознание – прим.автора) .

Вчера наушник намекнул, что в городе «фасуют» большую партию дряни.

Конечные точки неизвестны. По непроверенной информации делец гастролирует. А это значит, что его рожа не примелькалась ранее.

Запросили информацию у «соседей», но без ориентировки дело – труба.

И как такого теперь ловить? Да как обычно, методом тыка.

«Пойди-ка, Андрюха, туда, не знаю, куда. И принеси то, за что потом начальство коньячку тяпнет, а тебе медальку дадут».

Объявили план-капкан по всем направлениям. Пацанов почти всех в рейды бросили.

Наряд такой: «Прочесывать, сужая круги поиска».

Короче, землю носом рыть...

И вот вроде зацепка, но на точку так никто и не пришел.

Зря только торчим всю ночь в тачке, ерзая потными задницами на сиденьях.

- Глухо сегодня. Отбой, - по радиии даю отмашку сворачиваться.

Зайцев утирает вспотевший лоб.

Душно пиздец просто. Мы в гражданском, но один фиг сырые до трусов.

Это гребаное лето бьет все рекорды по градусам. С короткими передышками на дожди столица закатов плавится от жара. А я даже на рыбалку не выбрался ни разу за сезон.

Батя шлет фотки с уловом, вызывая зависть и глухую тоску. Сто лет не был в родных краях, но служба не отпускает.

Я на хорошем счету, не так давно получил капитана и намек на отличные перспективы, если продолжу в том же духе.

И я продолжаю. Перспективы на дороге не валяются и просто так на погоны не вешаются.

Нюх у меня, говорят, как у собаки.

Хмыкнув, вспоминаю, как в том году накрыли лабораторию по производству наркотиков. Полтонны вещества и прекурсоров. Судья с нескрываемым удовольствием выписал строгачи всем участникам этого гребаного кружка по зельеварению. Лично на полигоне потом с ребятами сжигали наваренное дерьмо.

Поганое самое то, что у таких зельеваров среди покупателей малолетки сплошные. Мамки с папками им там будущее распланировали, о всяких там Гарвардах, Кембриджах мечтают... И пока родаки в розовых мечтах витают, их кровиночки говно это долбят, как гребаные лоси, не думая о последствиях.

Вот как до таких «нежных» мозгом донести, что дядя, который координаты сбросил, ни хрена не Добрый Волшебник. Что дядю надо посадить, а перед этим лучше бы еще и руки переломать... Жизни ведь мелкие губят, суки, продавая синтетическую смерть.

Черти, всех бы передушил. Жаль, лицензию на такое мне не выдадут.

Помню, как мелкого застукал с пачкой сигарет в кармане. Уши надрал и жопу выпорол до скулежа.

Арс долго потом не разговаривал со мной. Но на всю жизнь запомнил, что любые наркотики – чистейшее зло.

Сейчас волчара такой вырос на радость бате. Детина под два метра ростом, даже неудобно младшеньким уже звать. Арсений пошел по стопам отца и деда, выбрав МЧС, а я вот отбился от стаи и примкнул к МВД. Этакий волк-одиночка в семейной династии спасателей.

Эх, закончим здесь, и попрошу у начальства отпуск. Свою Ника к деду в деревню. Тайка, охотничья лайка с замашками белки, залижет его до смерти.

Представляю эту картинку, и лыба лезет. Но потом накалывает уныние, Миланка хер отпустит сына со мной. Плавали, знаем. Это только если восемнадцатилетия ждать, или бывшую жену прицепом везти. Ага, щас. Так она и разбежалась - в тайгу к свекру ехать.

Мечты, мечты.

Смотрю на часы. Пора сворачиваться, ловить уже нечего. Кромка на востоке уже посветлела.

И только хочу выйти отлить, как вижу - на точку, озираясь, направляется девчонка. Короткий ежик волос мог бы спутать гендерность, но у пацана такие сиськи вряд ли бы выросли.

«Зачетная троечка», - мелькает в голове, пока я напряженно слежу за тем, как девица, присев под балконом, быстро раскапывает землю.

В мыслях аларм: «Попалась, сучка!»

Ликование смешано с горечью, потому что этот гнилой бизнес перемалывает таких на раз-два. Но жалеть никого не собираюсь. Это выбор каждого.

Работай честно, плати налоги и живи на чистые активы - вот моя формула счастливой жизни.

А эти... биомусор, который должен понести наказание.

Выбираюсь из тачки, сделав знак Зайцеву оставаться на месте. Не особо таясь, подхожу к сисястой дилерше. Но быстро понимаю – не наш клиент.

Засунув руки в задние карманы джинсов, смотрю, как девица сосредоточенно роет землю. Откидывает периодически какие-то корни и снова роет.

Ну любо-дорого смотреть. Эту бы энергию, да в мирное русло... На батькину бы плантацию картохи с таким энтузиазмом.

- Девушка, потеряли что-то? - вкрадчиво интересуюсь.

Землеройка вздрагивает и поднимает на меня ошарашенный взгляд. Сканирует пару секунд, а потом что-то тихо буркнув, продолжает рыть землю.

Блин, вот не люблю баб вязать. Мужика что – мордой в пол уложил, на болевой взял, и всё. А с барышнями же другая совсем песня. Помнить надо, что хрупкие, легко ломаются. И пока ты такую упаковываешь, она вся ужом извивается, царапается, лягается, а потом обязательно визжит так, что барабанные перепонки грозят вот-вот лопнуть.

Вздохнув, подхожу ближе.

- Если ты прямо сейчас свалишь, я скажу, что никого не видел, - даю последний шанс встать на путь истинный.

Если умишка хватит, бросит это дело, в ребу ляжет. Вроде там у них двенадцать шагов исцеления? Ну вот и пусть шагает, пока я «добрый».

Троечки под тонкой маечкой растопили сердце одного одинокого волка. С таким графиком вообще не до волчиц. Пожрать бы и до постели добраться...

Девушка встает и деловито отряхивает землю с рук. Невольно замечаю какие длинные и тонкие у нее пальцы. Как там говорят? Музыкальные...

- Ты от Паши, что ли? Тогда передай ему, чтобы шел на хуй. И сам по тому же маршруту вали, - без эквивалентов выдает, сердито уставившись не меня.

Глазищи сверкают гневом, губы пухлые недовольно поджаты... и зрачки расширены на максимум. Торчунья, значит? За добавкой пришла.

Во мне закипает протест. Терпеть не могу хамок. Тем более, которые травят себя всяким говном.

Я говорил, что ночь дерьмо? Так вот, это полное дерьмисе!

Только впустую время потратили.

И эта еще... Бесит нахер!

Достаю из кармана наручники.

- Это ты зря сейчас, красотуля, я ж обидеться могу.

Всё, время для шуток закончилось. Понижаю градус при-

ветливости на минус двести, рвякая:

- А теперь быстро, четко и по существу. Что искала здесь? Руки показала, что в карманах?

Девушка же, показав мне средний палец, разворачивается, чтобы слить.

Действую по инструкции. Скручиваю и надеваю на вопящую истеричку наручники, попутно зачитывая права.

Пока волоку ее, упирающуюся и шипящую проклятия, до машины, эта зараза успевает извернуться и цапнуть меня за плечо.

- Ма-а-а-ать твою! Ты оборзела, что ли, совсем?

Вот же с-с-сучка.

Со злостью утрамбовываю эту бешеную в тачку, а сам, потирая место укуса, бегом несусь под балкон. Свечу фонариком, но ни свертков в изоляте, ни пакетов, ничего не нахожу.

Вот коза, все-таки скинула вес в кусты или по карманам распахать успела?

Возвращаюсь к тачке, но вместо переднего пассажирского сажусь рядом... от греха. Такую припадочную кусаку надо держать в поле зрения, а то вцепится еще в ухо, как Тайсон...

- Пакет где? – задаю вопрос, не особо рассчитывая на честный ответ.

Запомните, друзья, наркоман врет всякий раз, когда открывает рот.

- Иди на хуй, урод!

Ч.Т.Д. (*что и требовалось доказать - прим.автора*)

И ведь думал, дурак, отпустить же. Ну явно не дилерша, те осторожные твари, жопой чувят, когда их пасут. А эта... молодая же совсем. Попугать, может...

Но эта хамка после своего эпичного «куся» заслужила весь спектр эмоций в нашем «обезьяннике»!

Зайцев без подсказок выруливает с парковки в сторону отделения, опасливо поглядывая в зеркало на агрессивную девицу.

- Ты скоро очень сильно пожалеешь, мудила, - шипит не хуже змеи, сверкая глазищами. – Похищение людей незаконно!

Молча сую под нос ей ксиву, но та только презрительно фыркает:

– И чо? Я такую нарисовать в фотошопе за минуту могу. В переходе за пять рублей купил и теперь, как дурачок, радуешься коркам? Эй, ты, толстый, останови!

Зайцев только качает головой на такие вопли. За годы службы наслушался всякого.

Пигалица не унимается:

- За этот тупой розыгрыш уже завтра будете у меня прощение вымаливать... на коленях!

В нос ударяет запах какой-то ягоды. В душном салоне кажется, что я с размаху попал в сладкое облако. Клубника? Нет, тоньше будто...

Зачем-то верчу это в голове, ищу ассоциацию с ароматом,

пока моя пассажирка, ерзая на сиденье, по десятому кругу сыпет проклятиями на наши головы.

«Земляника!» – вдруг приходит на ум. У нас в Сибири она мелкая такая, но с дивным ароматом...

Удивленно перевожу взгляд на землеройку. Чем только от таких «подружек» не пахло, но впервые нам попалась такая благоухающая мадам.

Первоходка, что ли?

Пока размышляю, эта бешеная фурия, устав от потока брани, со всей дури пихает меня в укушенное плечо.

Вот же... сучка беспородная!

Молча пристегиваю ее ремнем, чтобы меньше вертелась. В ответ получаю новую порцию ругательств. Нашему «подполу» бы поучиться у этой пигалицы.

Присвистнув, говорю:

- Еще одно слово, и рот тебе заткну кляпом. Будешь сидеть и сопеть в две дырки...

- А что, у тебя есть чем затыкать, мудила?

- Да она нарывается, Андрюх! – Даже у спокойного, как тибетский монах, Зайцева проклевывается раздражение. – Эй, угомонись по-хорошему! А то щас носок тебе по самые гланды засунем, поняла?

Фыркнув, эта бешеная поворачивается всем корпусом ко мне:

- Чо, Андрюх, больше ничем «стоящим» мой рот не заткнуть?

И выразительно смотрит на мою ширинку.

- Всё так грустно, да? Мужская гордость с фасолинку? И ты поэтому так грубо себя с дамами ведешь? Мента из себя разыгрываешь...

Блин, а она забавная!

- Моя «фасолинка» тебе в рот не влезет, - окидываю пошлячку насмешливым взглядом.

Устал как собака. Мозг уже не варит, но под конец смены позубоскалить с такой колючкой – и привет, заряд бодрости и, мать его, оптимизма!

Откинув светлый затылок на подголовник, эта клумба земляничная залиvistо смеется.

- Ну насмешил, Андрюха. Ладно, над обиженными грех смеяться. Но ты все равно знай, если полезешь ко мне со своим причиндалом, откушу под корешок.

- Зубы выбью, - ласково-ласково говорю ей.

Ну ужас какая прелесть! Давно таких юморных наркома-нок в отделение не доставляли.

Странное дело, но мне вдруг показалось, что я ее уже где-то видел.

Дотянувшись до моего уха, эта змея тихо шепчет, обдавая мятным дыханием:

- Ради такого дела и вставить новые не жалко.

Вот же коза, уела!

Всю дорогу ухмыляюсь, предпочитая думать о кровожад-ной до чужих членов соседке, чем задаваться вопросом:

«Что мне лично открутит подпол за самоуправство?»
(подпол, подполковник, - прим.автора)

Глава 2. Отдел по борьбе с... котиками

Яна

Когда Урод, в обычной жизни гордо носящий имя Павлика Морозова, сообщил через друзей, что выбросил все мои шмотки, я не поверила поначалу.

Самые важные для меня вещи я забрала еще в то злополучное утро, когда сестра совместными усилиями с бывшим мужем вытаскивали меня из участка, где мне посчастливилось провести шикарную ночь в компании пьяных болельщиков и одного интеллигентного бомжа по имени Федор.

Пока гопота орала футбольные речёвки, сбиваясь и путая названия команд, Федя, дыша перегаром и почесывая заросшую щетиной невымытую щеку, рассказывал о прелестях жизни в коллекторе.

Выходило, что зря мы покупаем дорогие апартаменты за бешеные лямы, когда можно совершенно бесплатно жить в тепле и уюте катакомб.

Не знаю, что меня больше впечатлило: паровая баня, устроенная в закутке из подтекающей теплотрассы, или крысы размером с собак, по вкусу напоминающие шашлык.

К утру воодушевленная рассказами и оглохшая на оба уха я клятвенно пообещала Феде прийти в гости и самолично

оценить сервис.

Ни о чем не жалею!

Все прелести ночевки в «обезьяннике» окупил одна кривая рожа Уродца, беззвучно разевавшего рот в кружочке мессенджера, после того, как я ему знатно «задамажила» тачку.

И это был последний раз, когда я его видела. Больше сообщений бывший не слал и в поле моего зрения появляться не рисковал.

Проверенный источник в лице любовницы № 2 доложил, что Уродец зализывал «раны» на очередном курорте в компании любовницы № 1 (*о появлении любовниц № 1 и № 2 в жизни Яны и Паши читайте в романе «Просто бывшие» - прим.автора*).

В общем, нанеся противнику невосполнимый урон, я вынудила того отступить и затаиться.

У меня было две недели на то, чтобы перевести дух после «дабл» измены.

Делала я это со вкусом: на диване у сестры, в компании самых сладких корейских мальчиков и свежих дорам. А потом пришлось собраться с силами, привести в порядок квартиру, пустовавшую без меня долгие годы, и наконец забрать оставшиеся вещи из квартиры бывшего. Но за столько лет совместной жизни я, кажется, проросла там корнями.

А как еще объяснить, что вот уже вторую ночь подряд я приезжаю к его дому и обшариваю помойки и прилегающую

территорию в поисках моего маленького Геры.

Бонсай из японской черной сосны мне привез папа из командировки. Крошечный кустик рос у меня долгих пять лет, и я кропотливо формировала ему крону в духе символизма страны восходящего солнца.

Папин подарок, названный в честь ведьмака из Ривии Геральтом, рос очень медленно, но стойчески терпел все экзекуции.

Герочка украшал своей корявостью мой рабочий кабинет. И если о мольбертах, красках и этюдниках я переживала мало – как любила говорить моя бабуля: «Такого добра, как говна за баней». То сложно представить, в какое бешенство я пришла, узнав, что живое существо – мой прекрасный куст! – цинично выбросили на помойку.

Когда я узнала от малолетней любовницы Паши, что мой будущий муж прекрасно справляется с обязанностями бешеного кобеля и покрывает сразу двух сук, во мне будто что-то перегорело.

Раз! – и нету больше большой любви. Вместо нее разверзлась черная дыра, в которую прямо по горизонту событий затянуло жгучий гнев и желание отомстить.

Да, была еще кровожадная мысль переломать Казанове недоделанному все кости, чтобы срослись криво-косо. Глядишь, не так резво по бабам скакать будет. Но эту идею я отбросила, как нерабочую.

За свою удрученную тачку Паша внаглую еще попытался

страсти с моего отца компенсацию. Типа за то, что козел не бежит, сверкая пятками, в ментовку писать на меня заяву.

Пришлось напомнить убогому, кто у меня крестный отец.

Не знаю всех подробностей разговора, но после этого папа пару раз упоминал крылатую фразу крестного: «В пизду – пусть перетрахируют на что-то нормальное».

Итогом такой занимательной беседы стало то, что бывший отвалил и больше не отвечивал на моем горизонте. Зато как тараканы повылезала вся его любопытная родня.

И как я раньше терпела у них полное отсутствие такта и настойчивое желание пролезть в задницу без смазки?

Клянусь, телефон просто дымился от входящих звонков и смс!

После двухнедельной осады несостоявшимися родственниками с призывами одуматься и вернуться в лоно семьи, мне хотелось только одного – исчезнуть с лица земли, чтобы никто и никогда больше мне не напоминал об Уродце.

Была мыслишка свалить в Тай или на Бали, но сейчас там тропические ливни, и погода совершенно не помогает настроиться на позитив.

Моя единственная попытка - поучаствовать в софт-сплаве на сапах по тихой и живописной речушке - и та с брызгами провалилась.

Один непотопляемый олень бульдозером снес меня с надувного борда и утопил мой мобильник. Озверев от такой вселенской несправедливости, я ответным замахом весла от-

правила мудака в воду. И мне ни капельки не было стыдно! Зато весь остаток сплава этот рогатый придурок жег спину непонятными взглядами.

И надо же судьбе так извернуться буквой «зю», чтобы именно тот самый парнокопытный вез меня за каким-то чертом в отделение... на освидетельствование или допрос... Или что там они еще делают с такими, как я, искательницами пропавших кустов?

Еще и наручники напялили, как на преступницу. Сюрблин полный!

По глазам Андрюхи я сразу поняла, что он меня не узнал. Наверняка старческая деменция!

Я же пока на память не жалуюсь. Она у меня фотографическая. И уж лицо нечаянного Герасима, превратившего мой телефон в Му-му, я тогда запомнила во всех подробностях.

Красивое, кстати, лицо. Фактурное.

Ровный нос, высокий открытый лоб, скулы выразительные, как и губы... и глаза. Зеленые, как окись хрома в моей акварельной палитре. Внимательные, цепкие, с притаившимися в уголках смешинками.

Тело я тогда тоже успела заценить, когда этот олень, отплевываясь от воды, забирался на сап.

Совершенное. С литыми мышцами, не перекачанными специально в спортзале. Будто ягуар перед прыжком, Андрей напрягал мышцы пресса и спины, удерживая равновесие, и точно собрал с десятков восторженных взглядов попут-

чиц по сапам.

С такими данными работать Андрюхе в модельном бизнесе, ну или на худой конец в эскорте...

Не догадываясь о моих мыслях, Андрей с напарником, которому бы больше подошла фамилия Кабанов или Хряков, тащат меня в казенный дом. На парковке перед зданием стоят тачки с мигалками.

Однако, заморочились ребята.

«Интересно, кто устроил мне этот сюрприз, и сколько бабла потратил на постановку?» - размышляю, шагая по ступеням.

Краем глаза успеваю увидеть на двери вывеску с потертыми буквами, где кто-то смелый и неуловимый затер «контроль», пару букв и подписал сверху: «Отдел по борьбе с ... котиками».

Однако, мяу, ребята!

Фыркаю, чем привлекаю внимание конвоиров и дежурного, сонно моргающего на нас из-за окошка его персональной будки.

Дальше цирк становится только забавнее, а клоуны жирнее, когда мне обкатывают пальцы черным валиком и снимают отпечатки. Фото в профиль и анфас вызывают приступы смеха, и я кривляюсь, высовывая язык и строя рожицы.

Мужики на все мои закидоны «держат лицо». Серьезные такие...

После незапланированного фотосета и памятных отпечат-

ков, потеряв в недрах здания одного жирного бойца, мы друженько меняем дислокацию.

Снова коридоры, повороты, лестницы, вереница кабинетов...

И, наконец, какой-то грязный закуток. Здесь тускло мерцают лампы накаливания, из-за чего цвет стен кажется грязновато-серым, а потертый и местами щербатый паркет просто умоляет о ремонте..

Мда, просто приют для отбросов.

Я успеваю прочитать еще одну табличку «подполковник Смородина Г.М.», как меня заводят в тесный кабинет со столами, заваленными папками и прочей канцелярией.

- Соловьев, оформи гражданку, - произносит за моей спиной Андрюха, расстегивая браслеты наручников и усаживая меня на стул. – Митрич у себя?

- Еще не пгиезжал. Свидетельница? – мило картавя, парень с птичьей фамилией кивает на меня.

Зайцев, Соловьев... Да у них тут зоопарк, что ли?

- Посмотрим, может, и подозреваемая... – Андрей, проследив за тем, как я растираю затекшие запястья, обращается с порога уже ко мне: - И чтобы без глупостей вела себя, поняла? А то по 228 оформлю.

- Конечно, папочка, - дарю ему по-акульки широкий оскал, мысленно радуясь будущему «обеду», ведь жертву я уже заметила.

Оставшись наедине с Соловьевым, ежусь то ли от прохла-

ды в комнате, то ли от его слишком пристального и внимательного взгляда. Наклоняюсь к столу и заговорщицки протягиваю:

- А руки помыть можно? – показываю перепачканные землей и краской ладони.

Игнор полный.

- Ну хоть кофе предложите мне ради такого случая? – забрасываю очередной крючок.

Парень подвисает на несколько секунд, хлопая глазами за большими линзами очков. Но тут же сводит белесые брови вместе.

- Не.. не положено. Кофе не положено. А гуки... гуки подождут.

- Ууу, как строго! – Не могу удержаться от подколов. Ну реально, я таких постановов еще не видела.

Придвигаюсь к краю стула и, понизив голос, шепчу:

- Слушай, ну ты мне хоть скажи, много они вам отвалили за этот спектакль? Я реально же поверила! Так натурально играют... А этот ваш, Андрей, вообще зверь!

- Не понимаю, о чем вы, - открещивается покрасневший как рак Соловьев.

- Ну да, ну да. – Ухмыльнувшись, откидываюсь на спинку стула и готовлюсь к дальнейшему представлению.

«Нет, это точно не Уродец. Он бы удавился ради меня столько людей нанять, подговорить, подмазать... Девчонки? Тоже мимо. Со Светкой нас недавно уже увозили по пьяни.

Да и не такой у них юмор», - рассуждаю, наблюдая, как парнишка деловито перекладывает документы и что-то строчит на листе.

«Может, дело рук Антохи Абрикосова? В универе вечно разводил всех. Он-то точно может. С его связями-подвязками и не такое мутили. Но мы не виделись, хрен уже знает, сколько времени. Значит, не Тонька», - продолжаю копаться в памяти, пока Соловьев упражняется в чистописании.

А почерк-то - как курица лапой!

За время моих ленивых размышлений в приоткрытую дверь успевают заглянуть «мимопроходили» и просканировать меня взглядами разной степени заинтересованности.

Реально, как в зверинец попала.

- Гхм-кхм. Давайте пгиступим, – обозначает свою готовность парнишка. - Имя, фамилия, отчество?

- Лим Джу Гён, - произношу с паузами.

Ну а что? Я люблю эту героиню дорамы.

С усмешкой наблюдаю, как Соловьев послушно записывает.

- Дата гождения?

- 1221. Число, месяц не помню, но могу загуглить, если надо.

Прекрасная, кстати, дата. Городу нашему как раз 800 стукнуло несколько лет назад.

Возмущенно подняв на меня окулярный взгляд, Соловьев грозит мне ручкой:

- Или вы сейчас пегестаете паясничать, и мы пгодолжаем наш... пока еще газговог. Или сюда вегнется капитан Волков. А он совершенно по-дугому ведет беседы.

О, а мудака, который меня сюда приволок, оказывается, Волков! Ну, точно зверинец!

Рррр! Точнее – ауф!

Еле сдерживая улыбку, поднимаю обезоруживающе вверх ладони.

- Сдаюсь.

Пока я послушно диктую свои ФИО, дату рождения и адрес регистрации, в поле зрения замечаю вернувшегося Волкова. В руке похититель честных девушек держит два пластиковых стаканчика.

- Это мне? – Провожая его взглядом, до носа долетает терпкий запах пота и умопомрачительный... кофе!

Стаканчик с божественным напитком достается Соловьеву, а мне насмешка в глазах.

Отвечаю с вызовом.

«Ну, погоди, чувак, тебе еще этот кофеек поперек горла встанет».

Волков молча прихлебывает из своего стаканчика. И не давится, зараза такая!

- С какой целью находились по указанному адгесу, - Соловьев называет адрес дома бывшего.

- Проводила поисковую операцию, - чеканю без запинки, выковыривая землю из-под ногтей.

- Что искала? И кто навел? - Подобравшись, Андрей сверлит меня недобрый взглядом.

- Не что, а кого, – наставительно грожу ему пальцем, а потом перевожу серьезный взгляд на Соловьева. Теперь можно и мне поиграть! – Труп! У меня есть все основания полагать, что там было совершено зверское убийство.

- Убийство? – непонимающе хлопает глазами Соловьев.

- Именно! – вытаращив глаза, смотрю на него.

Наверняка у меня видок сейчас, как у городской сумасшедшей. Ну а чего? Только им надо мной издеваться можно, что ли? До сих пор жду криков: «Стоп! Вас снимала скрытая камера!»

- Вам известно имя жегтвы?

- О, да! Его звали Геральт. Герочка. Мое сокровище! Он пропал! И я точно знаю, что его хладнокровно убил Павел Олегович Морозов, проживающий как раз по этому адресу, – в завершение своего спича трагично утыкаюсь в ладони, скрывая злорадную улыбку.

Настроившись, всхлипываю настолько натурально, что аж сама себе верю.

А Ба говорила, что мне надо идти в театральный!

Мне удастся даже пустить слезу, когда вокруг начинается шевеление. Мой стул чуть разворачивают, в руки настойчиво суют граненый стакан.

Состроив жалостливое лицо, мелкими глотками пью теплую воду. Фе...

Поднимаю заплаканные глаза и попадаю в ловушку пристального взгляда. Волков смотрит, не моргая. Я вижу в его глазах... нет, не притаившееся веселье, там «кровь, кишки, распидорасило».

Мы еще несколько секунд играем в гляделки, пока до меня не доходит, что, в отличие от картавого соратника, этот волчара мне ни на йоту не поверил.

Волков просто чертовски серьезен для дядьки, которому нехило отвалили бабла за тупой розыгрыш. А еще он дьявольски зол!

И только после этого приходит запоздалая мысль: «А это точно розыгрыш?»

Глава 3. Беда Владимировна

Андрей

«А эта штучка не промах!» – восхищенно думаю, глядя в обдолбанные глаза напротив.

Жаль, что дура.

- Успокоилась? – подыгрываю спектаклю. Стянув листок со стола, пробегаюсь по строчкам. – А теперь, Яна Владимировна, расскажи нам, будь добра, кто тебе скинул координаты точки и сколько веса там зарыто?

Прыснув остатками воды, девица начинает кашлять. А потом смотрит на меня с таким удивлением, что я готов стоя аплодировать ее актерскому таланту.

- Слушай, друг... Ой, прости...те... как вас там? – Яна громко щелкает пальцами.

- Андрей Сергеевич, - разрешаю ее конфуз.

- Слушай сюда, Андрей Сергеевич. Мне уже осточертел ваш тупой розыгрыш. Сколько тебе заплатили, чтобы меня «покатать»? Я дам больше. Сто кусков? Двести? - деловито уточняет, отставив пустой стакан. – Я устала и хочу домой.

- Поедешь, как только ответишь на наши вопросы, - терпеливо разьясняю и повторяю свой: - Кто скинул точку, сколько должна была забрать?

- Еще раз. Мне надоел этот розыгрыш. Хватит играть в копов, мне больше не смешно! – Лицо Горячевой багровеет

от злости.

Ну, актриса!

- Здесь, кроме тебя, комедию никто не ломает. – Складываю руки на груди, кивнув лейтенанту, прошу: - Покажи ей свою ксиву.

Чего она там нажралась, чтоб такие глюки словить?

Соловьев опасливо протягивает Яне корки. Та долго что-то в них разглядывает, потом переводит ошарашенный взгляд на меня.

Молча киваю: «Дошло?»

Девчонка трет лицо грязными ладонями, слышу еле разборчивое: «Пиздец».

Да уж, это точно.

- Пакет где? – напоминаю о себе, пока эта дуреха снова не погрузилась в фантазии.

- А с какого рожна ты, Андрей Сергеевич, решил, что я там искала дурь? – Быстро взяв себя в руки, девица сердито поджимает губы. – Я, вообще-то, правду говорила. Искала там...

- Геральта из Ривии? – перебиваю, ухмыляясь.

- Из Японии, если быть точнее.

Гляди-ка, какая строгая, и слезы сразу высохли.

- В кустах... под балконом? И что же там делал твой воображаемый друг из Японии? Тоже закладку искал? - Этот цирк пора заканчивать. Поворачиваюсь к Соловьеву: - Тест на «пятерку» остался еще?

Пошарив в ящиках, лейтенант протягивает мне упаковку.

- Держи, - швыряю наркочек и чистый пластиковый стаканчик на колени девице. – По коридору направо и до конца. Как управишься, возвращайся сюда, продолжим нашу познавательную беседу.

Вспыхнув до самой ложбинки груди, виднеющейся в вырезе маечки, Горячева шипит:

- Я чот не пойму. Ты, майор, тупой, что ли? Я тебе русским языком говорю, что никакую дрянь не принимала, а ты меня, один хер, сюда притащил! – Как и в машине, она наклоняется ко мне близко-близко. «Троечки», упруго качнувшись в такт движению, так и манят заглянуть поглубже в вырез.

И, мать твою, у меня привстал!

Блять.

Пока я пытаюсь мысленно приструнить бойца, вычисляя корень из числа Пи, Яна Владимировна входит в раж:

- Я смотрю, вы, вообще, тут все охуели! Ты хоть знаешь, чья я дочь? Или кто мой крестный? Так я сейчас мигом тебя просвещу...

Девица достает из заднего кармана телефон, который я у нее выдираю и бросаю в ящик стола.

- А вот это оформим, как улику. Сама разблочишь, или спецам доверим?

Надежды, что она историю не подчистила, конечно, мало. Но все-таки...

- Никто из вас не будет копаться в моем телефоне! Не

имеете права! Я сейчас пойду к этой вашей Смородине, и вы отсюда вылетите все с обосранными жопами! Ты, майор, будешь дворы языком мести! А ты... - переводит взгляд на притихшего Соловьева. – А с тобой я позже разберусь!

Горячева решительно поднимается, но тут лейтенант подает голос:

- Капитан. Андгей Сеггеевич в звании капитана...

- Да насрать! Хоть генерал! – Всплескивает руками Яна.
– Или ты думаешь, майор, что тебе обрыбится звезда за поимку такой опасной преступницы?

Пожимаю плечами.

- Начальству виднее.

- Так, может, поводишь? К Галине Михайловне. Уж она-то быстро разберется, что тебе там положено, а что нет.

- Не Галина Михайловна, - тихо вставляет обалдевший от такой экспрессии Соловьев, – а Гога Мкгтичович Смогодина.

На секунду подзависнув – видимо, переводя с картавого на обычный, - Горячева уточняет:

- Гога Мак... Макатичович – это что за логопедический феномен?

- Не Гога, а Гога, - поправляет покрасневший до состояния спелого томата Соловьев, стараясь выговорить ненавистную «р».

- Так, - поднимаюсь со стула.

Нависая над Горячевой, мимоходом отмечая, что девица

не из полторашек. Ее макушка почти вровень с моей переносицей, а во мне почти два метра роста.

- Заканчивай балаган. Ноги в руки, тест в зубы, и пошла быстро в туалет. Сюда потом возвращаешься, и продолжим. И чтоб без глупостей, поняла меня?

Всё, мой личный дерьмометр сломался.

- А то что? – тихо и напряженно уточняет Горячева.

Стойка у нее сейчас, ну вылитый Сет перед броском. Жаль, питбуля выдрессировать можно, а с этой чего прикажете делать?..

- А то поедешь в браслетах и с люстрой сдавать свои драгоценные биожидкости в наркушку. Хочешь? Ссать только придется перед дядей доктором. А как управишься, посидишь в изоляторе трое суток, с бомжами...

- Ты не пос-с-с-меешь! – шипит змеей.

- Проверим? – Складываю руки на груди.

- Я не принимаю наркоту, сколько раз надо повторить, чтобы до тебя, убогого, дошло?

- Ты зенки свои видела? – кидаю ей подачу.

- Ты долбоеб?! – взвывается на две октавы выше. – Это врожденная патология! Зрачки всю жизнь такие расширенные...

- Пизди-пизди, приятно слушать. Вон пошла, - кивком головы даю направление на выход.

Сверкнув глазами, Яна пулей вылетает из кабинета.

Под озадаченным взглядом лейтенанта, ухмыляясь, мыс-

ленно считаю шаги и жду.

Раз, два, разворот у запертой двери подпола, и обратно...

Влетев фурией в кабинет, Горячева молча вырывает тест у меня из рук.

- Эй! – слышится через минуту. - Где у вас тут свет включается?!

- Киль, сходи к ней? – прошу лейтенанта, не выносившего, когда его зовут полным именем Кирилл.

Соловьев, подравняв аккуратной стопочкой бумаги и сложив свои вещи, шустро встает из-за стола.

- Извини, майог, но эта девушка – твоя личная беда. У меня смена закончилась еще полчаса назад. Настя там волнуется уже. Бывай. – Ловко избежав особо сложных слов с буквой «р», летёха оставляет меня одного.

Ожидая из туалета свою личную большую занозу в заднице, барабаню по столу.

«Ой, непростая птичка сегодня попалась тебе, майор...»
- Нехорошее предчувствие холодит затылок.

Будто в подтверждение этому в кабинет заглядывает Зайцев.

- Взяли! С весом, падла, был!

- Наши?

- Неа. Попался Маркеловским. Оформлять везут, мне Санька сказал. А эта где? – намекает сержант на мой личный геморрой.

- В толчок отпросилась.

- Аааа, ну удачи тебе с ней, майор, - на ходу бросает, скрываясь во тьме коридора.

Качаю головой. Растрезвонили уже.

«Ну что, капитан, дерьмо твои дела, если сейчас окажется, что девчонка ни при чем. Как бы реально не накапала начальству», - озадаченно ерошу ежик на затылке. – «Митрич с говном сожрет за очередную жалобу».

Некстати вспоминаю про логопедический феномен. Выговорить Гора Мкртичович с первого раза не удавалось никому из новеньких на «не уставном» посвящении. И Смородину за глаза давно называют Митричем.

Сам Гора знает о заворотах языков на своем отчестве и поправлять подчиненных не спешит.

Снова сую нос в листок и изучаю данные по этой мажорке Горячевой.

Двадцать пять лет. Соплячка совсем. Моему Арсу почти ровесница. Адрес проживания...

Вскидываю брови.

Неплохой район. Были там разок... Сплошь коттеджи и дворцы.

«Что же делать-то с тобой, блин?» - барабаню пальцами по столу.

От приближающейся перспективы получить выговор засосало под ложечкой... Или это желудок возмущен суточной кофейной диетой?

Тьфу на тебя, Беда Владимировна!

Как будто почувствовав, что о ней подумали, девчонка возвращается из комнаты задумчивости, торжественно неся в руке тест.

- Показывай давай, - тяну ладонь. Но Горячева быстро прячет пластину за спину.

- А если там по две полоски в каждом окошке, это значит, что я беременна?

Продолжаю молча смотреть на мажорку, гоняя в голове варианты, как загладить вину.

Сдавшись и пробурчав что-то про атрофию юмора, Яна вкладывает тест в мою ладонь.

Чисто.

Права оказалась, зараза.

«Пиздец мне походу». - Сжимаю челюсти и перевожу взгляд на торжествующую девчонку.

В ее глазах читаю: «Я же говорила!» - и душно сразу становится.

Потому что, блять, попал!

- Ну так что там, майор? Мы беременны или как?

Да она издевается!

- Кхм, кхм... отрицательный, - выдавливаю через силу.

Ну, что, Андрюха, проеб фееричный у тебя. Исправлять надо...

Девчонка плюхается на соседний стул и протягивает мне повелительно ладошку.

- Мобильник на базу!

Получив желаемое, утыкается в экран смартфона. А я реально начинаю чувствовать себя долбоебом.

Но ведь была точка, координаты, даже интервал совпал! И такая жопа!

Сглотнув, жду, что сейчас девица вызвонит всю свою армию поддержки, и меня прямо здесь распнут за косяк с «приводом».

Минуты ожидания текут невыносимо медленно, и я не выдерживаю первым.

Может, обойдется?

- Яна...

Подняв на меня свои голубые глазищи с лемурыми зрачками, Горячева отвлекается от переписки в телефоне. А потом заламывает одну бровь. Удивительно темную, на контрасте со светлым ежиком волос. И я поспешно добавляю:

- Владимировна. Случилось... недоразумение. Я вас больше не задерживаю.

- О, мы снова на «вы», майор? Какая честь, - паясничает, убирая мобильник в карман.

Вот же с-с-стерва.

Проглатываю ругательство и повторяю:

- Вы свободны, я вас больше не задерживаю.

- А я никуда не тороплюсь! – Нахально закидывает ногу на ногу. Кривит уголок губ в насмешке.

Спокойно приподнимаюсь со стула и начинаю наводить порядок на столе. Дела убираю в сейф, тест выкидываю в ур-

ну. И все это под прожигающим прицелом голубых глаз. Не глаза, а пули. Изрешетила всю грудь.

С досадой думаю: «Это залёт, брат».

Мой же залёт сидит на стуле, как приклеенная. Оглохла от счастья, что ли?

Глубоко вздохнув, возвращаюсь к своей проблеме.

- Чего ты хочешь?

- Хочу кофе на миндальном молоке с одной ложечкой сахара, - без запинки отвечает девица. И только я дергаюсь сказать, что у нас такого отродясь не было, она продолжает: - Хочу сыграть катку в Доту или в какой-нибудь кровавый шутер. Хочу ногти выкрасить в нюд, черный надоел, не считаешь?..

Она перечисляет еще кучу ненужных вещей, пока я судорожно ищу в себе зачатки терпения.

- ... прямо сейчас я хочу, чтобы ты передо мной извинился. Лучше на коленях, - заявляет, нахально ухмыляясь.

Нет, такого, девочка, не будет.

- Рожу вареньем не намазать? – говорю совершенно искренне.

- И облизать! – тут же добавляет эта ненормальная и залиvisto смеется.

И почему-то в этот момент я вдруг замечаю, как ей идет этот смех. И вообще, девчонка-то видная. Красивая. И даже этот ежик волос а-ля солдат Джейн ей очень идет.

Вредная только.

- Окей, только после тебя, - соглашаюсь. – Начинай.

Горячева разводит руками:

- Долбоеб – это диагноз.

Зеркалю ее жест.

- Сажать за наркоту – моя работа. Проеб прощен?

Горячева хмыкает, но продолжает пристально смотреть на меня.

- Яна Владимировна, приношу свои глубочайшие извинения, - выдавливаю каждое слово через силу.

Меня вообще достало сегодня все.

Андрюша заебался в доску, хочет жрать, спать, мыться... и бабу. Упругие троечки разбередили «старые раны», нестерпимо хочется что-то оттрахать. И желательно не свой кулак.

Отвожу взгляд, отдавая победу в игре в гляделки.

Что ж ты сложная такая, Беда Владимировна?

- А на колени встать? – подкидывает дровишек на мой костер эта язва.

- Обойдешься. Но в качестве жеста доброй воли могу отвезти тебя туда, откуда забрал, - делаю последний «реверанс» в ее сторону.

Сморщив носик, Яна качает головой:

- А ты жестокий, майор. Отвезешь меня прямо на место «преступления»? А вдруг я там земли нажрусь и под балконом усну?

- Капитан. – Нахер я ее вообще поправляю? Она ж тупо

глумится.

- Капитан, - послушно повторяет за мной, облизывая пухлые розовые губы. Черт. Не пялиться! – Отвези меня домой, капитан. И мы в расчете.

Глава 4. Плохой капитан

Яна

Походкой победителя шагаю следом за источающим раздражение Волковым и едва сдерживаю себя, чтобы не ускориться.

Сердце до сих пор стучит где-то в горле от адреналинового цунами. В тот момент, когда я поняла, что никто и не думал меня разыгрывать, я реально струхнула.

Злые дядьки в погонах привезли меня в ментовку, потому что по-настоящему приняли за наркошку. Даже эта бессмысленная проверка с тестом была просто цветочками.

Отличные вышли бы ягодки, загреми я снова в СИЗО. Только на этот раз не за пьяный дебош в общественном месте, а за серьезные вещи, за которые мотали бы глупую Янку по допросам.

А следом за испугом, как обычно, пришла злость. И тут я уже мало задумывалась о последствиях своих слов.

Что-то изменилось, стоило мне выйти из кабинета с дурацкой пластиковой банкой для анализов. По коридорам пару раз проносились, возбужденно галдя, сотрудники этой богадельни.

А майор, который вовсе не майор пока, встретил меня задумчивым взглядом. А после даже изобразил что-то типа извинений и попытался «съехать» со всей этой темы.

Да-да, мы тут ошиблись, Яна Владимировна, примите глубочайший наш «сорян» и валите на все четыре стороны. Ага, пилить до дома бывшего через полгорода.

Удивительно покладистый истукан Волков даже согласился меня отвезти домой. Видать, сильно проштрафился.

«А ведь это только начало, капитан», - мстительно думаю, усаживаясь в душный внедорожник.

Открыв все окна, Кэп выруливает с внутреннего двора управления.

«Бай-бай, котики, мама будет скучать», - делаю ручкой, выглянувшем на крыльцо борцам с пушистыми котанами.

Нагло стаскиваю с приборки авиаторы и нацепляю на нос. Прикрыв глаза, откидываю голову на подголовник.

Не утро, а дурдом.

- Пристегнись, - подает голос Волков, заставляя поморщиться и посмотреть на него.

- А если нет? – бросаю с вызовом. Меня так и подмывает вывести этот кусок камня из себя. – Оштрафуешь? Выпорешь?

Не отрывая взгляда от дороги, Волков криво ухмыляется. Не иначе, как идея скосплеить мистера Серого, охаживающего по голым ягодицам драгоценную Анастейшу Стил, вдохновила его на хоть какую-то эмоцию. Вау!

- При лобовом вылетишь на проезжую часть. Скорее всего, свернешь себе шею, если еще в момент удара не получишь закрытую ЧМТ. Твой полутруп, живописно раскинув-

ший конечности, сильно осложнит работу патрулю, - буднично сообщает мне, перестраиваясь в правый ряд. – Пожалей ребят, жестокая девочка, пристегнись и очки на место верни.

Ну до чего же душный мужик!

Хмыкнув, демонстративно пристегиваюсь, проигнорировав просьбу – не приказал же! – вернуть авиаторы.

В тишине проезжаем мимо папиной больницы. Интересно, у него на сегодня плановые все закончились? Надо бы заехать в гости.

От скуки колупаю обивку сиденья, когда решаю, что молчание водителя – это почти согласие на самозахват его музыки. Врубаю блютуз на смартфоне и быстро нахожу в списке новое устройство.

Пара кликов, и по салону разносится песня Бритнюшки про бабника. Поп-дива сладко поет в припеве «вуманайзер», а я жду реакции Волкова.

Этот истукан продолжает гипнотизировать дорогу. Сбрасываю кроссовки и закидываю ступни на приборку.

- Ноги убери, - тут же поступает указание.

Прячу улыбку.

- Не переживай, Кэп, носки у меня чистые.

Волков несильно хлопает меня по бедру.

- Дурочка, коленки во рту окажутся.

- Боже, ну чего ты такой душнила? – убираю ноги обратно на коврик. Ответа не последовало.

Даже истуканы на острове Пасха эмоциональнее, а мне

так хочется, наконец, поцапаться и скинуть напряжение.

Давай, Янка, думай, как его еще раскрутить?

В этих мыслях варюсь пару треков.

И только тогда до меня доходит, что Кэп даже не спросил, куда меня доставить.

- Волков, надеюсь, ты меня не за город везешь, чтобы тихо прикопать в лесу под березой? – тяну задумчиво.

Покосившись на меня, капитан цедит:

- Это самый короткий путь к твоему дому.

И называет адрес моего отца. Да, я прописана у папочки, но живу-то вообще в другой стороне.

Прыскаю, представив, как вытянется лицо Волкова, когда он узнает.

- Что-то не так?

О, уже понял!

- Я уже сто лет не живу по прописке, - давясь смехом, вы-
давливаю из себя.

Волков бьет по тормозам, и меня качает к приборке. Чудом носом не встретила с пластиком. А Кэп, оказывается, та еще Ванга. Сейчас бы вместо дома в травму поехать...

- Ты сразу не могла сказать? – Наконец-то вижу на его лице зачатки гнева.

- Меня никто не спрашивал. – Пожимаю плечами, ожидая взрыва.

Но вместо этого, Кэп пробормотав под нос ругательства, уточняет:

- Адрес?

Покорно называю и наблюдаю, как Волков вводит название улицы в навигаторе.

- Ты не местный, что ли? – вырывается на автомате.

- Типа того, - кратко отбрасывает мой интерес и разворачивает тачку через две сплошные.

Ай-ай-ай.

Какой плохой капитан, а меня полчаса назад готов был запилить за ремень безопасности.

- Кто такой Геральт? – проявляет чудеса памяти на имена Волков.

Отвечаю честно:

- Бонсай. Это такая...

- Я знаю, что такое бонсай. Дерево-карлик. - Ответ Волкова заставляет меня приподнять очки и уставиться на него восхищенно.

- Зачем шарилась в ночи? - Кэп косится на меня, явно ожидая продолжения.

Вздохнув, выкладываю краткую версию:

- Бывший выбросил его на помойку. Я нашла черепки от горшка, пару веток... собаки скорее всего растащили остальное. Жалко, это был подарок.

- И этот пионер еще жив?

Что ему сделается? Он еще даже размножаться способен. Но об этом я не говорю вслух.

При мыслях об Уродце, как обычно, в груди заворчалось

что-то мерзкое, гадкое.

Всю дорогу до дома мы храним молчание. Странное дело, но тяжесть в груди рядом с этим истуканом исчезает.

- Пойдем, Кэп, кофе тебя угощу. – Отстегиваюсь и тянусь, прогибаясь в груди. Знаю, как залипательно выглядит она в этот момент. На то и расчет.

Волков качает головой:

- Не думаю, что это хорошая идея. Всего доброго, - намекает мне «на выход».

Ээээ, нет! Сейчас играем по моим правилам.

Сокращаю между нами расстояние и касаюсь губ первым поцелуем. Вопреки всем моим ожиданиям, сжатые в нитку, они оказываются мягкими и податливо раскрываются, когда я, осмелев, углубляю поцелуй.

Волков меня не отталкивает, ни в первое мгновение, ни позже, когда языком касаюсь уголка губ. Но и не отвечает. Кэп позволяет мне наиграться, превратившись в реального истукана. Напоследок подразнив еще, со вздохом отступаю.

Мои щеки наверняка покраснелись, я слизываю с губ его вкус. Андрей смотрит на меня глазами с расширенными зрачками.

- Я уже большая девочка, Кэп. Со мной можно «по-плохому», - шепчу ему.

Вижу потемневший взгляд, а в следующую секунду мои губы сминают жестким, требовательным поцелуем. Волков вгрызается в меня, как оголодавший хищник.

Зубы стучатся друг о друга, языки сплетаются, и мы одновременно делаем глубокий вдох, смешивая наше дыхание.

Плохой капитан. Кто же так целует? Я же сейчас с ума сойду!

Нежная кожа, исколотая щетиной, горит, но мне этого мало.

Я вновь и вновь погружаюсь в свои ощущения: его губы неожиданно мягкие; язык хранит привкус кофе, и я нахожу этот вкус приятным; движения умелые, напористые заставляют мелко-мелко дрожать тело.

Я будто струна, которая вот-вот лопнет от напряжения.

И я закручиваю с каждым оборотом невидимого колка эту струну сильнее...

Пока не раздастся неслышное – дзынь! – и я тону в своем помешательстве.

Мои ладони будто сами по себе гладят широкие плечи, сами зарываются в ежик волос, и сами тянут ближе... еще ближе... еще!

Не знаю в какой момент я оказываюсь верхом на Волкове, но его руки уже остервенело жмут ягодицы, вырывая из меня полустоны-полувсхлипы. Трусь промежностью о ширинку его джинсов, ощущая ответные толчки.

Безумие!

Но мне так нравится, что я стараюсь продлить это чувство. Ерзая сильнее, целуя глубже, вжимаясь в ощутимый бугор и едва не постанывая от накатывающей разрядки.

Мне... мне еще чуть-чуть... еще немножко.

Но сил нет просить. Только чувствовать взаимное влечение.

Когда Волков, оторвавшись от моих искусанных губ, задирает на мне майку и прикусывает сосок, прихожу на секунду в себя.

Боже, мне так хорошо, что руки сами тянутся к поясу его джинсов.

Хочу продолжить, хочу получить весь спектр сумасшествия.

Моя ладонь на его эрекции, моя грудь искусана, а я вдруг с ужасом понимаю: «Еще пара минут, и мы тряхнемся прямо здесь. С утраца пораньше порадуем всех соседей...»

Мысль отрезвляет настолько, что я застываю в руках Волкова.

Почувствовав перемену, Кэп отстраняется от меня.

В тишине машины слышно наше загнанное дыхание. Смотрю в шалые зеленые глаза, прекрасно понимая, что в моих он читает то же самое. Безумие, похоть, желание...

Мы будто слетели с привычных орбит и нас несет в открытый космос.

- Больше так не дела й, Яна... Владимировна. Я не железный. - Волков поправляет на мне майку, и это будто становится сигналом.

Перелезаю молча на пассажирское сидение и нащупываю кроссовки. Пока я обуваюсь, Андрей хранит молчание.

Да и о чем говорить? Ну пососались, с кем не бывает. Ну поерзала по капитанскому члену, тоже не смертельно. Кошусь на бугор, вздыбливающий ширинку, и сглатываю слюну. Сколько у меня уже не было секса?

- Спасибо, что подвез, - выдавливаю из себя, под тяжелым обжигающим взглядом Волкова.

Шиза.

Выбираюсь из тачки, и все же наклоняюсь к окну.

- Хорошо, что ты не железный. Мое предложение выпить кофе в силе еще полчаса, номер квартиры 248, этаж тринадцатый.

Хлопнув дверью иду к подъезду. Я прислушиваюсь, в надежде услышать ответный хлопок водительской двери, но утро безмятежно и тихо.

Что ж, возможно, я поспешила с этой авантюрой.

Глава 5. Перец к кофе

Яна

Нашарив запасной ключ за щитком, радуюсь, что додумалась там хранить вторую связку. Кроме брелока от тачки и телефона у меня ничего с собой нет, всё осталось в бардачке машины, до сих пор припаркованной у дома бывшего.

Вспомнив о Паше, касаюсь припухших губ и вдруг ловлю себя на хулиганской мысли, что теперь спустя семь лет «игр в верность» мне есть с кем сравнить. И сравнение явно не в его пользу.

Дикарь Волков со своими ручищами, оскалом и каменным сердцем зажег во мне пожар за секунду, с Пашей же в последнее время я чувствовала себя замороженной рыбой.

Наш секс превратился в рутину. Пара минут в привычной миссионерской, и Паша уже финиширует, сопя при этом как старый мопс.

Мне не нравились его поцелуи – слишком слюнявые. Бесило, как он раз за разом не мог удовлетворить меня пальцами – складывалось ощущение, что он трет брезент в глупейшей попытке добыть огонь.

И даже запах его тела меня раздражал.

Странное дело, но даже то, что от Кэпа разило потом, меня сильнее возбуждало, чем если бы он искупался в Армани или Дольче.

«Интересно, насколько ты смелый, Кэп?» - думаю, проходя в квартиру и намеренно оставив дверь приоткрытой.

Да, сегодня логика и умные мысли вышли из чата после того, как я поцеловала Волкова.

Говорят, что человек способен за секунды определить насколько для него важен партнер. Я шла к своему счастью семь лет, чтобы в конечном итоге за какие-то мгновения пропитаться насквозь осознанием, что только что в машине я была со «своим» человеком.

Прошлепав босыми пятками на кухню, включая зачем-то кофемашину.

Ну я ведь обещала Кэпу вкусный кофе.

От адреналина дрожат кончики пальцев, а по телу растекаются колющие мурашки. Сердце барабанит в ушах, будто я несусь по трассе, утопив тапку в пол и давно положив стрелку на спидометре.

За шумом крови в ушах и кофеварки я не услышала шагов.

Тело прошил разряд, когда меня обняли со спины. Сердце пропустило удар, а потом застучало с утроенной силой.

Волков разворачивает меня к себе резко, без церемоний. Встречаю его потемневший взгляд – хвойный лес – и тону. Андрей медлит, что-то выискивая в моем лице.

Прикрываю согласно глаза.

«Не передумала. Хочу!»

А потом его губы накрывают мои. Этот поцелуй отличает-

ся от того, в машине. Тогда Волков не ожидал от меня инициативы и был, мягко говоря, обескуражен. Сейчас же он целует меня так, будто заявляет права. Клеймит мой рот поцелуями-укусами, шаря руками по телу. Запускает во мне цепь реакций.

Током прошивает насквозь, когда он, подхватив меня под ягодицы, усаживает на стол. Получив нужную опору, обхватываю крепкий торс ногами, помогая стащить с себя майку.

Не прерывая захватнического поцелуя, Волков играет с моей грудью, вызывая во мне жаркое цунами, которое волнами расходится по телу и концентрируется внизу живота. Температура тела – сто градусов по Цельсию. Клянусь!

Я плавлюсь в его руках быстрее, чем тает мороженое на адском солнце. Мои руки судорожно оглаживают плечи, пока он уверенно расправляется с застежкой и молнией джинсов. Неловко ерзаю, помогая стащить свои подранные скинни с ног, а затем и стринги.

Волков на секунду отрывается от меня, обжигая взглядом. А там лава, извержение, и пирокластический поток сейчас снесет меня, испепелив до атомов! И во мне что-то отзывается на это неприкрытое желание. Я расставляю ноги шире, без слов приглашая насладиться самым откровенным пирогом, что был на этом столе.

И Волков принимает вызов. Его футболка летит следом за моей одеждой.

Вжикнув молнией джинсов и приспустив боксеры, он под-

таскивает меня ближе к краю.

Вцепляюсь ладонями в столешницу. Хочу сказать: «Скорее», когда меня уже таранит огромный член.

Боже. Зажмуриваюсь от удовольствия и боли, с ума сходя от контраста ощущений. Первый пробный толчок вызывает волну удовольствия.

Да-а-а-а, то, что нужно!

Открываю глаза, встречая потемневший взгляд. Зрачки расширены на максимум. Ну и кто из нас тут на дозе эндорфинов?

- А ты рисковый, Кэп. Без резинки... - уточняю скорее для проформы, потому что уже плевать, где он ее сейчас достанет.

- Здоров, привит, справка есть, - скороговоркой чеканит Волков, совершая очередной толчок.

Тяну сквозь зубы воздух. Боже, как хорошо!

Член входит и выходит, и это точно не из детской сказочки сюжет.

Плавные, неспешные движения до упора, будто Андрей принаравливается ко мне, растягивает под себя.

Испытываю легкое чувство дискомфорта и триумфа одновременно! Вот как должно быть, когда у мужика нормальный агрегат, а не огурчик дяди Вани!

Прикрываю глаза, концентрируюсь на ощущениях. Принимаю каждый следующий толчок с нарастающим во мне томлением.

Безумие!

Не так давно я рассталась со своим женихом, с которым провела вместе семь гребаных лет, а теперь меня трахает на столе чужой мужик. Но как хорошо трахает!!!

Отдаюсь этим ощущениям без остатка.

Даже если это безумие, то я хочу окунуться в него с головой.

Заметно напрягаюсь, когда Волков находит чувствительную точку клитора.

Ну, блин, сейчас все испортит. Будет не так...

Но его пальцы касаются нежной кожи легкими движениями, вырисовывая там спирали и круги. Пару раз Волков меняет тактику на ритмичное скольжение и надавливания, и я расслабляюсь. Всё, как надо!

Кэп точно знает, что надо делать с женщиной.

Плаваю в предоргазменном состоянии, когда легкие поглаживания сменяются чередой хлопков. И в этот же миг мой мир взрывается вспышками на солнце.

Я кончаю, оглохнув, ослепнув от яркости моего оргазма. Тело выгибается дугой, и я цепляюсь в столешницу из последних сил, чтобы меня не унесло в открытый космос.

И только потом чувствую свой якорь. Крепко держа меня за бедра, Андрей вколачивается в меня размашистыми толчками, продлевая эйфорию. А потом замирает, и я чувствую, как внутри меня становится горячо-горячо.

Раскрасневшиеся, едва дышащие, мы смотрим друг другу

в глаза, только что разделив общий оргазм на двоих.

Это было феерично!

Настолько, что я до сих пор не могу в это поверить.

Волков вдруг наклоняется ко мне и целует в губы. Сразу глубоко, с языком. Будто ставит точку или клеймит. На ум вдруг приходят властные пластилины, но я быстро отметаю эту мысль. Потому что получается это у Волкова очень по-мужски.

Отросшая щетина царапает нежную кожу подбородка, но я, наплевав на эти мелочи, с огоньком отвечаю.

«Может, у нас будет второй раунд?» - проносится в голове, но в этот момент Кэп перестает терзать мои губы и отстраняется.

- Ты обещала душ, - произносит, выскальзывая из меня.

- Я обещала кофе. - Заламываю бровь и слезаю наконец со стола. По бедрам текут горячие струйки его спермы. За неимением салфеток стираю улики нашей несдержанности – и кое-чьей безголовости – кухонным полотенцем.

Ловлю себя на том, что не испытываю чувства неловкости рядом с голым Кэпом. Забавно, что с Уродцем сразу после секса мне хотелось скорее помыться. А сейчас вот кофе остро хочется, с перцем и солью... а еще с членом Волкова. Да, перец у него ничего так... урожайный вырос.

Засранец красив, как произведение искусства, и вреден, как сладкое после шести вечера. А мне очень хочется еще кусочек от него откусить.

Не догадываясь о моих мыслях, образчик идеальной анатомии в одних носках прошлепал в сторону душевой.

Идеально вылепленные мышцы спины, идеальные ягодичы и подкачанные икры портила только одна крошечная деталь... дырка на правой пятке.

Глава 6. Сироп и шипы

Яна

Собрав разбросанные шмотки на кухне, несу это все в спальню.

Бедра стягивает подсыхающее семя, внутри всё приятно тянет и вибрирует.

Хмыкаяю, представив, как перекосило бы лицо вечно нудящего Уродца, узнай он, чем его бывшая рогатая невеста занималась на кухонном столе. Уж точно не полезную овсянку ела...

Потягиваюсь. Как же ха-ра-шо!

Боже, секс на завтрак и вместо кофе творит чудеса с женским организмом. Прямо сейчас мне больше не хочется убивать, а только мурлыкать и тереться мордочкой о крепкое плечо.

Кстати, о тех самых плечах.

Прихватив свежее полотенце и шмот Кэпа, захожу в ванную.

Мой неожиданный любовник плещется в душевой кабине, не обращая внимания на вторжение. Пару секунд медитирую на то, как вода стекает по рельефной спине и подкачанным ягодицам, и всерьез подумываю: «А не сбегать ли мне за альбомом и карандашом?»

Можно и в диджитал изобразить, но здесь хочется темпе-

ры... или, может, пастель?

Акварель оставим для миленьких этюдов с природой и натюрмортов с персиками.

Масло... тяжеловато, но можно, конечно.

Только вряд ли модель согласится изображать человека-амфибию пару часов подряд.

Нет, масло мимо. Я давно с ним не работала, предпочитая ему планшет и стилус.

Да даже простой карандаш подойдет лучше всего!

Да, точно! Рельеф передаст... и можно вопреки всем правилам писаным и неписаным растушевывать кончиками пальцев.

Набросать пару эскизов... потом довести до ума.

Это же шикарные получатся визуалы. Можно даже серию замутить. С перчинкой.

Повернувшись, Волков как раз являет миру свой увесистый перец, а у меня вдруг жар приливает к щекам. Такому овощу будет рада на своей грядке любая хозяйка.

Волков высовывается из-за запотевшего стекла, отвлекая от огородных пошлостей. Во взгляде паника вперемешку с весельем.

- Еще ни разу передо мной не стоял такой страшный выбор! Фиолетовая жижа в банке, синий шампунь и еще какая-то розовая хрень... Что можно взять без вреда для здоровья?

Фыркнув, шагаю к нему под теплые струи, ничуть не бо-

ясь нарушить его личное пространство. Мне даже хочется спровоцировать его на ответные действия.

Эти овощные мысли завели не на шутку, и мне теперь очень хочется повторить то, что мы вытворяли на кухне.

Особенно те волшебные движения чуткими пальцами, технику которых Андрей успел продемонстрировать, а я по достоинству оценить.

Помним, да, про брезент и добычу огня в походных условиях? Так вот, его «кунг-фу» оказалось в миллионы раз круче дохлого «кунг-фу» бывшего.

Волков будто что-то сделал со мной, повернул тот самый тумблер или нашел большую красную кнопку, превратившую меня в желающую секса нимфоманку.

Взяв с полки нужный флакон, выдавливаю гель на руку. Кэп, поймав мою ладонь, подносит ее к носу и вдыхает запах.

- Земляника?

- Она самая, - говорю, размазывая вкусно пахнущий гель по выпирающим мышцам груди. Задеваю несколько раз монетки сосков, глажу, напиваясь тактильностью на кончиках пальцев.

Провожу по месту укуса, алеющему на крепком плече.

Надо же, оказывается, не хило я его тогда цапнула.

Ухмыляюсь мыслям о своей личной метке.

Волков, подхватив мою инициативу, размазывает по мне розоватый гель с моим самым любимым ароматом. Зеркалит мои заигрывания с сосками, посылая разряды в самый

низ живота. Там уже и так всё плавится от подкатывающего волнами удовольствия.

Прикрываю глаза, когда Кэп спускается рукой все ниже, ниже... обводит пупок... Затаив дыхание жду. Эта прелюдия сейчас снесет мне крышу.

Андрей легко поглаживает лобок и, скользнув рукой между ног, нежно касается половых губ, задевая внутреннюю поверхность бедер.

Один короткий вдох.

Ах!

И он убирает ладонь, чтобы облапить мои ягодицы.

Раз, так! В ответ с наслаждением провожу коготками по рельефным мышцам пресса, вызывая подрагивание мышц.

Обхватываю восставший член мыльной ладонью и делаю пару поступательных движений. Вверх и вниз, сдвигая крайнюю плоть и оголяя розовую крупную головку.

Кэп прикрывает глаза, и я со смешком одергиваю руку, прекращая ласку. За что тут же получаю шлепок по ягодице.

Встречаюсь с потемневшим взглядом.

«А ты как хотел!?» - транслирую безмолвно.

«Вызов принят!» - Вместо слов Андрей притискивает меня к дверце кабинки.

Вздрагиваю от контраста прохладного стекла, но тут же обхватываю шею Кэпа крепче, когда он приподнимает мою ногу и впивается в нее стальной хваткой.

«Синяки же будут», - последняя здравая мысль в мозгу,

потому что через секунду меня насаживают на огромный... Боже... Просто гигантский... О, да! Самый лучший на свете член!

Клянусь, у меня бы ноги подогнулись от такой атаки, но Кэп фиксирует меня крепко, уверенно. И так же уверенно трахает, выбивая вздохи напополам со стонами.

Мы жадно целуемся, больше кусая друг друга. Сталкиваемся языками, смешивая вкусы. Дышим жадно...

В какой-то момент Андрей меня разворачивает спиной к себе.

Упираюсь ладонями в стекло, прогибаюсь под давлением руки. И, чуть привстав на мыски, принимаю в себя мой личный источник наслаждения.

Мне кажется, что я прямо сейчас кончу, когда руки Андрея сжимают и крутят соски. В другое время я бы точно зашипела кошкой от боли, но сейчас мне просто необходимо острее, сильнее.

Андрей ритмично вколачивается в меня, с каждым толчком посылая по телу разряды тока. Одна его рука, вдруг сместившись с груди, касается клитора.

Его пальцы безошибочно находят нужную точку и выписывают на ней спирали, зигзаги и круги. Плавные скользящие движения сменяются серией быстрых ритмичных пульсаций-ударов...

И мне этого оказывается достаточно, чтобы с громким стоном кончить.

Я оглохла, ослепла и перестала существовать. Меня вынесло в открытый космос. Только вместо ледящего холода, тело охватили жар и истома. Будто в солнце окунулась и не сгорела, а возродилась сверхновой.

А там, на околоземной орбите, один отважный капитан, укусив ответно меня за плечо, с глухим рыком излился и прижал к себе так, что ребра захрустели.

«Да и зачем они мне», - лениво думалось, пока я болталась в своем личном экстазе, ловя последние отголоски отшумевшего оргазма. Ведь дышать после такого марафона выходило с трудом.

Вжавшись в меня напоследок, Андрей выскальзывает и разворачивает разомлевшую к себе. В глаза бросается суматошно бьющаяся венка на виске, обезумевшие зеленые глаза... и пара армейских жетонов на простой цепочке.

Зачем-то читаю цифры, откладывая эту информацию в ящичек памяти, где у меня хранится всякий хлам.

- Ян, - голос выводит из кисельного состояния. – Мы оба раза без защиты...

- Ты же сказал, что привит и к лотку приучен? – перебиваю, выбираясь из кольца рук и смывая следы спермы с бедер.

Мне только что показали настоящий космос. Мне охуенно. Отстаньте со своими мирскими заботами хоть на пару вздохов.

- Я всегда думаю о последствиях, – Андрей ломает весь

кайф.

Ой, ну вот это было сказано таким тоном, что не огрызнуться в ответ не вышло.

- Сегодня у думалки, видимо, выходной? – Заламываю бровь, выскальзывая из кабинки и поднимая из брошенной впопыхах стопки свежее полотенце.

Андрей молчит и сверлит меня отнюдь не добрым взглядом.

Всё страньше и страньше.

Обычно, после секса из мужиков можно веревки вить или, на худой конец, плести макраме. А из этого разве что только стальной трос скрутишь... если силенок хватит.

Ой, все.

- Расслабься, Джон Сноу. Всё под контролем. – Закатываю глаза. – Я на таблетках. Бастардов не будет. Дяде Мартину придется кого-нибудь другого убить.

Подаю полотенце, и пока Андрей вытирается, любуюсь скучными выверенными движениями.

Мышцы красиво играют, и нимфоманка во мне рисует свой личный анатомический атлас со всеми этими *musculus pectoralis major*, *settarus anterior*... и *rectus abdominis c extrernus abdominis*...

Взгляд скользит вниз и упирается в пах... там тоже есть отличная такая мышца, поднимающая этот агрегат, который и в спокойном состоянии доводит меня до приятной дрожи. Надо бы глянуть в атласе, как же она называлась... (*выше*

Яна перечисляет большую грудную, зубчатую мышцы, пресс и косую мышцу живота – прим.автора).

Красив черт. Жаль, зануда.

Но мне все равно хорошо.

Я поступила аморально? Правда, что ли? А я и не заметила.

Бездумно? О, да!

Спонтанно? Ну, это вообще святое!

И ведь ничуть не стыдно. В крови бурлит энергия, мне кажется - я горы сверну на одном только голом энтузиазме.

Эй, если ваш пенсионерский девиз «Как-нибудь потом», то я предпочитаю «Здесь и сейчас»!

Лучше сделать и потом пожалеть, чем не сделать и слушать, как это было у других.

А мое авантюрное «здесь и сейчас» уже упаковалось в джинсы и дырявые носки. Без всяких слов становится понятно, что «наше» время подходит к концу.

Не знаю, что Кэп со мной сделал, но я чувствую себя такой легкой, воздушной, розово-сиропной. Еще чуть-чуть, и этот сироп из ушей польется.

Сладкой зефиркой, в общем, а не мексиканским кактусом переростком.

Поэтому, вместо того, чтобы молча проводить до двери своего любовника, я вдруг прижимаюсь к нему со спины и тихо прошу:

- Останься.

Одно короткое слово, а в нем вся моя обнаженка чувств. Потому что никогда не просила. В лучших традициях Булгакова мне всегда всё предлагают и подают сами.

- Яна, я... - начинает он, но тут в недрах квартиры раздаётся незнакомый рингтон. – Прости, мне нужно ответить.

Мягко разомкнув мои ослабевшие объятия, Андрей скрывается на кухне.

После родителей мне достались в наследство разномастные комплекты мебели, старые антикварные буфеты и шкафы. От чего-то я безжалостно избавилась, толкнув на Авито, что-то оставила для дизайнерских экспериментов. В кухне минимум мебели, и оттого любое слово резонирует от пустых стен, усиливаясь и без труда достигая моего слуха.

- Что ты хотела?.. Нет, помню. У него сегодня тренировка заканчивается в десять... Да, я сам заеду... Мил, прекрати, а. Это и мой сын тоже... Нормально они ладят! Этот пес ни на кого ни разу не нападал. Всё, хватит. Дома об этом можно поговорить...

С каждым его словом внутри меня сжимаются стальные щиты.

Сминают ванильный зефир, давят сироп, стискивают мое сердце... которое – вот же глупое! – вдруг решило, что можно размякнуть.

Ведь на этот раз больно никто не сделает.

А мне больно!

Андрей заканчивает говорить и выходит в коридор, где я

бессовестно его подслушивала.

Он что-то спрашивает у меня, но в ушах нарастает белый шум.

Похоже, у него есть собака... я люблю собак.

«Собака бывает кусачей только от жизни собачей», - вдруг приходят строчки.

А сыну, выходит, достаточно лет, чтобы его не катали в коляске, а забирали как самостоятельную единицу с тренировок.

А еще у Андрея есть женщина. Мать его ребенка. Жена, наверное, раз дома ждет? Любимая, блять, женщина.

Сердце болит, в груди ломит.

А он... Он трахал меня тут, пока его жена где-то там занимается своими делами, живет... ждет его домой к семейному очагу и вкусному борщу с пирогами.

А у меня здесь только один пирог...

Твою же мать!

Внутри бомбит ядерными взрывами. Как же больно!

Обманщик! Ничем он не лучше козла Падлика! Боже, а я-то, дура, размякла-раскиселилась!

Щиты ошестиниваются острыми и длинными шипами. Они рвут мою кожу, ломают кости. Давят, давят, давят.

Кислота обиды выжигает в крови весь кислород, потому что дышать становится нечем...

Из груди рвется что-то темное. Нужно это выпустить вовне, пока меня саму не разорвало на части.

- Пошел вон! – я не знаю, говорю это вслух или нет, но Андрей вздрагивает.

- Ян, ты чего? - Он поворачивается ко мне, но я ничего не вижу.

Кислота выела всё до донышка, и я ослепла. Во мне только и осталась эта отравка. И я щедро ею делюсь:

- Если ты вдруг оглох, майор, то повторяю. Пошел. Отсюда. Вон. В твоих услугах я больше не нуждаюсь.

- А по существу? - Горячие руки стискивают мои обнаженные плечи, но я вырываюсь из этого обманчиво-сладкого плена.

Толкаю Андрея в грудь. Из горла рвутся рыдания, но мне еще хватает яда для того, чтобы прокричать:

- Боже, ты тупой или глухой?! Я тебе прямым текстом говорю – пиздуй отсюда в свою унылую жизнь! Потрахались с огоньком, но разводить тут с тобой разговоры – уволь. Всё – разбег, отписка!

Андрей больше не улыбается. Вижу, как с каждым моим панчем багровеет его лицо. Как ходят желваки и раздуваются вены. Но мне мало. Этого мало!

Его поза вся говорит о едва сдерживаемой агрессии, но разве сейчас это может испугать? Да я сама готова наброситься на него и растерзать голыми руками.

Потому что предатель!

- Ян, что не так? – Зеленые глаза смотрят пристально, пока я сгораю заживо на своем личном эшафоте.

- Всё не так! Но кто ты такой, чтобы я перед тобой отчитывалась?

- Как минимум человек, член которого не далее, как полчаса назад, побывал в тебе, - жестко осаживает меня.

Он только что намекнул мне, что я шлюха?! Ну, держись, любитель халявы.

- А может, мне сейчас пойти и заяву на тебя накатать? За изнасилование. Что скажешь, капитан, неплохая идея?

Взгляд Андрея тяжелеет, и мне становится не по себе.

- Подумай хорошенько своей пустой головой прежде, чем так поступить. – Андрей оттирает меня плечом и идет в ванную. – Я обычно не воюю с маленькими девочками, но для тебя могу сделать исключение. Поверь, последствия тебе не понравятся...

Преследую его, не способная уже остановить свой словесный понос.

- Ты не всекаешь, майор, это **я** тебе не по зубам. И если захочу, быстро укажу на твое место. Оно, кстати, там, - киваю на мусорное ведро. – Так что уебывай отсюда. Дверь для убогих работает бесплатно.

Схватив футболку, Андрей проходит мимо меня, обдавая волной моего геля для душа. А следом хлопает оглушительно дверь.

«Вот так надо с ними. Как со вторым сортом! РАУНД!» - подбадриваю себя, ощущая противную дрожь в теле.

Колени вдруг подгибаются, и я без сил усаживаюсь на ка-

фельную плитку. Силы кончились, и вместе с последними крохами меня до краев наполняют слезы.

В тишине своей ванной я впервые за долгое время выплескиваю всё разочарование мужчинами. Слезы горячими дожджками стекают по лицу, капают на грудь. И мне вдруг становится так холодно. Так одиноко.

Опустошенная плетусь в спальню и заворачиваюсь в одеяльный кокон. Накрываюсь с головой, как в детстве, когда играла в прятки. Темнота уютно смыкает свои объятия, даря иллюзию защищенности.

Я дам себе пару минут побыть вот такой – разбитой, унылой и ни на что не годной. А потом встану и начну свой день заново.

Без приглашений на кофе. Без чужих мужиков в доме. Без разбитого вдребезги сердца. Без растоптанного доверия.

Где там затертая до дыр цитатка великих голожопых философов из инсты?

«Всё что не убивает нас, делает сильнее!»

В первую нашу встречу этот клоун чуть меня не утопил. Во вторую мы жарко сношались, а потом едва не поубивали друг друга. Боюсь, третью один из нас не переживет.

Берегись, майор, ведь я не прощаю обид. А тем более предательства!

Последней мыслью перед тем, как уснуть, была: «Знал бы пес, какой у него хозяин гандон!»

Глава 7. Звездец

Андрей

Удар.

«Кретин» качается маятником, покорно принимая хук с левой и гася инерцию (*манекен для тренировок – прим.автора*).

Вот же зараза!

Резко выпрямляю тело и с поворотом корпуса посылаю правую руку четко к цели. Вкладываю всю злость в удар. В наушниках тяжёлый рок вторит гроулингом: «Kill the enemies...»

Раскис ты, Андрюха. Подрастерял хватку, а тебя какая-то сопливая девчонка уделала...

С утра Митрич вызвал к себе на ковер.

«- Ты че, блять, принцесса сибирская, совсем разучился головой думать? - подпол танком проходится по моей самооценке, втаптывая ее в грязь. - Ты какого хера ее сюда потащил?»

Про нее, это он про мою вчерашнюю утреннюю звезду. Яну, мать ее, Владимировну.

- Да, извинился я уже перед этой... Гор-р-р-рячевой, - це-жу, терпя выволочку. – Товарищ подполковник, виноват, мой проеб. Исправился.

- Да что ты говоришь?! - Митрич грохает об стол ста-

кан, в котором плещется отнюдь не коньяк.

В кабинете ощутимо тянет корвалолом, навевая нехорошие мысли о больничной среде и поганом настроении Смолодины.

Гора у нас мужик крепкий, но нервов на все наши выкрутасы перестало хватать несколько лет назад. Поговаривают, что наш с сердечком давненько мается, оттого и не любит, чтобы в отделе объебывались чаще необходимого. А «часто» - это больше раза в квартал.

А я тут, считай, вне графика, отличился.

- Мне сегодня лично – лично, понимаешь! - Колесников звонил. Как пацана сопливого отчитал! Бордель у меня в отделе, понимаешь?! Р-р-р-развел шлюхачник, понимаешь. Гражданских среди бела дня безо всяких оснований тащат, угрожают, применяют методы... как же он сказал-то? Неэтичные, блять!

- Ну до дня там далеко было... - начинаю, но тут же осекаюсь.

- Да я смотрю, тут все р-р-р-раслабились! – Вскочив, Митрич коlobком выкатывается из-за стола и приближается ко мне. Побагровевшее лицо подпола намекает на высокую степень ахуенеза от происходящего.

Даже корвалол не помог. Тут, похоже, только коктейль Морозова справится (коктейль из настоек – прим. автора). И уж точно не стоит сейчас указывать начальству на недочеты в его изложении.

Себе дорожке.

Размахивая руками, Смородина проходится сначала по всему отделу, потом по мне в частности. Быстро перескочив момент моего зачатия и рождения на свет собакой, снова заходит на второй круг головомойки.

Я стою навывтяжку, лицо стягивает от слишком злого лосьона после бритья. Под подбородком подсыхает глубокий порез. А все потому, что, когда Смородина звонит тебе в начале седьмого вне смены и рычит в трубку, на сборы остается ровно столько времени, сколько горит спичка. А рожки небритые наш подпол терпеть не может.

И вот ты такой красивый стоишь и слушаешь по десятому разу, что ты долбоеб, а в голове вертится мысль: «Наше дело телячье. Обосрался – стой теперь, обтекай».

И я стою, обтекаю, представляя, как прихватываю по сильнее тонкую девичью шейку, как сдавливаю пальцы и, заломив цепкую ручонку с тонкими пальцами, укладываю девичий стан себе на колени. А потом стаскиваю с круглой задницы те самые крошечные стринги и от всей души шлепаю ладонью по ягодицам... пока следы от пятерни не заалеют, а у меня не попросят пощады.

Да, эта уж точно попросит! Зар-р-раза!

- Ты вообще меня слушаешь? – вырывает начальственный тон из размышлений о воспитательном процессе одной колючки.

Не дождавшись от меня ответа, Смородина орет, брыз-

гая слюной:

- Ты хоть знаешь, охламон, кто такой Колесников?!
- Никак нет, товарищ подполковник, - по заученной в армии привычке отвечаю коротко и по существу.
- «Никак нет», - передразнивает раскрасневшийся как лист металла Митрич. - А про СБ ты тоже ничего не слышал, умник? Про высший эшелон...

Перебираю в памяти всех с «вышки», да не знаю я такого.

- А Батурина-то хоть знаешь? – ехидно подсказывает мне подпол.

Как не знать генерала фейсов, если его орлы каждый раз тыкают нас носом в дерьмо за просчет.

- Так вот, Батурин ЕГО ставленник. А Колесников занимал этот пост пятнадцать лет, - нараспев тянет Смородина, и я заранее готовлюсь к худшему.

Обманчивая круглость начальника, лысина и добродушное лицо сгубили не одного самонадеянного капитана. А уж когда Митрич говорит вот таким, как сейчас, вкрадчивым голосом, жди беды.

Беда ты моя Владимировна! Кем же тебе приходится бывший генерал?

Опасливо кошусь на пышущего бешенством Смородину, который в гневе и убить может, и уволить. И похеру тогда уже на все перспективы. И только открываю рот, как меня перебивают:

- А рассказал мне Колесников, что в моем отделе полный,

блять, беспредел творится. Любимую его крестницу скрутили и увезли на освидетельствование. Угрожали, телефон отобрали, издевались... Я не пойму, Волков, ты тупой или бессмертие где купил? Ты какого хуя к девчонке полез?

Крестный отец Беды, значит? Пиздец.

- Товарищ... кхм... Гора Митрич, девица пришла на точку, вела себя подозрительно. Документов с собой не было. Действовал по протоколу. Доставили в отдел на дознание.

- Ах, доставили, - шипит закипающим чайником Смородин, а потом следует взрыв: - А какого рожна ты ее там еще не выслушал и не отпустил на все четыре стороны? Нам из-за твоей выходки светит внеочередная проверка. Там Хоменко уже волосатые колготки натянул, чтобы скорей примчаться и вынюхивать тут всё своим длинным носом!..

С шефом обэповцев у Смородины свои личные счета. Тот только рад будет найти у нас какую-нибудь хрень.

- Виноват, товарищ подполковник! – чеканю, сам на себя злясь за прокол. – Разрешите доложить?

Обогнув стол, Митрич устало плюхается в кресло и поднимает на меня тяжелый взгляд.

Пользуясь тишиной в эфире, спешу пересказать свою версию событий.

- ...довез в целости и сохранности домой, - завершаю рассказ, умолчав, как с огоньком пёр вредную Янку на столе и в душе. Свалилась же на мою голову... Беда Владимировна.

- За какие грехи тяжкие ты мне достался? – вторит моим мыслям Митрич. Тактично молчу, что сватали меня из «убойного» ему лично, и тогда Смородина был вне себя от гордости. – Ладно, что сделано, то сделано. С проверкой разберемся...

Не успеваю перевести дух, как Митрич припечатывает:

- А ты на время побудешь в отпуске. Я уже распорядился, вчерашним числом тебя оформим... Чин по чину будет. Дело «Единорога» передашь Куньеву, текучку подхватят Зайцев с Соловьевым...

Блять!

- Гора Митрич, ну только не Куни... Куньеву! Он же похерит всё, а я только-только человечка нашел... Просвет же наметился!..

- Просвет у него наметился, как в тонком кишке... Всё, не спорь, Андрей. Дела передашь, как миленький. Авось, через пару недель все подуспокоятся, позабудут...и вернешься. В кадры забеги, Альбина Валерьевна просила... Табельное сдать не забудь... - осекишься, Митрич сверлит в моем черепе дыру.

- И я тебя заклинаю, **майор**, держись подальше от этой девчонки! Всё, свободен!»

И вот теперь я отстранен от службы на три гребаных недели!

Серия коротких резких ударов в солнечное сплетение. Живому бы уже дышалку сбил и вымотал, а «кретину»-то

что? Покорно принимает «барабаны», пока я забиваю до отказа мышцы («барабанные» удары – удары, которые наносятся одной и той же рукой несколько раз подряд – прим.автора).

«- Давно не забегал, Андрюш, я уж соскучиться успела. – Альбина, проходя мимо, откровенно прижимается к паху своей аппетитной попкой. Но я в этот раз ее игру не поддерживаю.

Внутри все кипит от несправедливости и злости на одну конкретную девчонку.

Зараза мелкая! Еще и не приближаться к ней. А вот хочется наоборот, приехать по уже знакомому адресу и высказать всё то, что накипело-нагорело.

Тогда, после ее монолога, пулей вылетел из квартиры. Да-же не стал ничего объяснять.

На дух истеричек не переносу.

По факту же права оказалась – никто никому ничего не должен.

Но бесит. Аж зубы сводит, как же сейчас она меня бесит!

Взял бы и придушил засранку... или выдрал как сучку, сперва поставив раком. Вколачивался бы на всю длину, до сладких стонов и подрагивающих от напряжения длинных ножек. Всю бы искусал в наказание, довел бы пальцами до иступления, а потом обхватил бы шею рукой... Сжал. Так, слегка. Перекрыл бы кислород, чтобы от недостатка воз-

духа кончила ярко и остро.

От этих неуместных мыслей члену в трусах стало тесно, и этот нюанс не укрылся от Али.

Приняв «комплимент» на свой счет, моя давняя любовница, томно облизала пухлую нижнюю губу.

- Вижу, тоже скучал по мне, - ухмыляется, а мне после морального выеба от начальства что-то нихрена не весело. – Ты наконец-то в отпуск собрался? У тебя тут за прошлые два года уже накопилось прилично дней...

Алька всегда безошибочно чувствовала смену моего настроения, вот и сейчас, не получив в ответ на свой флирт реакции, переключилась и сменила воркующий тон на деловой.

- Да, может, сгоняю на море. – Пожимаю плечами, не особо участвуя в диалоге. Но Альбина из понятливых, а не настырных.

Она быстро пробегается глазами по экрану монитора и отправляет на печать пару документов.

- Растышишь вот здесь... и здесь. - Холеная рука с агрессивно-красными ноготками и ободком обручалки на безымянном указывает на нужные строчки.

Послушно ставлю закорючки, вспоминая другие пальцы. Тонкие, бледные и с короткими ногтями, выкрашенными в черный цвет. И даже такими Яна умудрялась царапать, в самые яркие моменты прикрывая глаза от экстаза.

- Приказ я сама передам в бухгалтерию. Досталось тебе,

Андрюш?

Карие глаза смотрят с интересом.

Альбине не откажешь в проницательности, уверен со стопроцентной вероятностью, что байка про мой фееричный проеб уже докатилась и до кадров. Но Алька, как всегда, мила и тактична.

- Прорвемся, - подмигиваю ей, собираясь уходить.

- Андрей, - окликает меня уже у двери. Я уже заранее знаю, что она скажет. – Олег сегодня уехал в командировку... Приходи, если нужно будет поговорить. По-дружески.

Знаю, какими разговорами мы займемся, пока Алькин муж в отъезде, но это уже пройденный этап. Наша «дружба» давно закончилась.

- Прости, Аль, не могу, - говорю правду и толкаю дверь, отрезая себя от женщины, которой не повезло когда-то влюбиться в меня, и которой мне оказалось нечего предложить.

Мои извинения в этот раз были совершенно искренни, в отличие от тех, что я принес одной язве».

От воспоминаний о Горячевой привычно вскипает кровь, и последний джеб выходит по касательной («джеб» - короткий резкий удар рукой в голову – прим.автора). Твою же мать!

Пот стекает по лицу, щиплет глаза, и я останавливаю свои кривые поглаживая снаряда, которые принято называть отработкой ударов.

Нет, так не пойдет. Давай, Андрюха, сосредоточься на деле. Всё остальное побоку.

Переводя дыхание, строю в голове четкий план.

Первое - вытерпеть эти три недели и вернуться на службу.

Второе - поймать гребаного неуловимого «Единорога» и наказать в лучших традициях немецкого кинематографа.

И третье - взять на новогодние праздники отпуск и рвануть с сыном к отцу в Сибирь.

Хороший план. Да что там! Отличный просто план! Четкий, как швейцарские часы. Если бы не одна маленькая деталь...

Беда Владимировна.

С момента триумфального знакомства с ней всё в моей жизни пошло по одному месту.

Вчера от сына узнал, что Миланка водит его к психологу – внимание! – потому что у ребенка психологическая травма после развода родителей.

Не знаю, как после такого «каминг аута» сдержался и не придушил бывшую жену, а заодно и тещеньку. Потому что точно знаю, откуда ноги растут у этого факапа.

Наш развод с женой нельзя назвать безболезненным. Порой мне кажется, если бы не ополчившаяся против меня Илона Эдуардовна, мы бы с Милкой развелись тихо и мирно.

Но бывшая теща очень быстро настроила против меня Миланку. А когда взялась и за Ника, тогда я уже рявкнул, чтобы не смела промывать мозги ребенку. За что тут же был

окрещен бесчувственным чудовищем и сексистом.

Сыну я сказал правду: «Папа с мамой не могут больше жить вместе. В этом нет твоей вины, мы любим тебя и всегда будем рядом».

Я уступил жене квартиру, взамен Милана выкинула из головы бредовые мысли о лишении меня родительских прав. Доводы у нее шикарные, кстати, были - я редко появляюсь дома. Блять, а ничего, что я набрал смен сверх нормы, лишь бы моя семья ни в чем не нуждалась?

Быть замужем за ментом - это выйти еще и за его работу. Миланка знала всё это с самого начала и все равно пошла за меня.

«Покладистая, верная и тихая жена - счастье же», - думал я и тихо радовался, что дома всегда ждет горячий ужин и любимая женщина. Потом радости с декретом жены поубавилось, на сцену вышли капризы, законы и внезапные истерики.

Я живой человек, и, если мне ебут мозг 24/7, резьбу срыывает. Чаще стали ругаться из-за мелочей, но я все равно любил свою жену. А потом беззаветно полюбил и Ника. Сын пошел в мою родню и рос моей точной копией, на зависть Еблоне Эпидураловне.

Теща тогда стала частым гостем у нас в квартире. Понятно, что недавно родившей жене нужна помощь, но ее мамаша успевала и с внуком посидеть, и Миланке на уши лапши навешать.

А потом в нашу с женой сексуальную жизнь пришла «головная боль». У жены болела голова с понедельника по воскресенье, без перерыва на праздники и отпуска. Я старался быть понимающим, входил в положение... но, блять, когда ты трахаешь собственный кулак на протяжении года, все терпение идет по пизде.

Жена превратилась в милую соседку, которую я встречаю по утрам на кухне, а вечером обнимаю перед тем, как она уйдет спать в комнату сына.

«Надо потерпеть, старик», - говорил я себе, в очередной раз получив отказ в близости от жены. На все попытки вывести на разговор, жена закатывала часовые истерики, и я снова уступал.

А потом перевелся в наркоконтроль и там встретил Альбину. Месяц я фантазировал об этой женщине, засыпая на диване в зале. Уговаривал себя: «Зачем тебе чужая женщина, когда дома есть своя...»

А своя морозила похлеще Северного полюса.

И на фоне хронического сперматоксикоза Андрюше снесло крышу...

Я не святой, ясно? На нимб вокруг башки не претендую, но меня, наверное, тоже можно понять? Можно же?

Короче, с Алькой быстро все закрутилось. Нас обоих устраивали встречи на стороне и секс без обязательств. Пропадать на «работе» я стал чаще к общей радости жены и тещи.

Честно, иногда ловил себя на иррациональном желании признаться Миланке, что изменил. Да, залепить в лоб и посмотреть на ее реакцию. Может, тогда хоть оттаает.

Но случилось всё наоборот.

В один из дней я освободился раньше и решил сам забрать ребенка из сада. В дверях группы я столкнулся с Еблоной Эдуардовной, которая одевала Ника.

Как обычно, при виде меня осточертевшая до печенок теща скривилась, как от глотка уксуса, и процедила: «Явился, папаша». Тон ее был дружелюбен градусов, так, на минус 500 по Фаренгейту.

Я по отработанной привычке изобразил улыбку идиота. Знаю, что ее бесит.

Но при сыне, в отличие от женской половины семьи, я никогда себе не позволяю устраивать сцены. Поэтому сосредоточился на том, что мне рассказывал Ник, радостно размахивая пластилиновым нечто.

Еблону Эпидураловна продолжала делать вид, что меня здесь нет, деловито напяливая на сына пуховик. В этом нет ничего странного, родная бабушка все-таки, если бы не один момент.

Милана еще утром ныла, что со всеми пробками и моими осточертевшими дежурствами не успевает забрать ребенка из сада.

«Ник и так самый последний в группе остается!» - транслировалось между строк.

И я решил побыть хорошим мужем.

А в моих услугах, похоже, и не нуждались.

На безобидный вопрос: «Милану снова шеф задержал?» - Еблона зыркнула с таким превосходством, что в душу закрался червячок сомнений.

Вопрос же мой теща предпочла проигнорировать.

Зато неожиданно подал голос Ник, с детской бесхитростностью уточнив у бабушки, поедут они сегодня к дяде Игорю или нет.

Мухомористое лицо тещи красноречивее всего подсказало, что эта информация была не для моих ушей.

Дядя Игорь, значит.

Вот тогда-то пазл и сложился.

Холодность жены, довольная Еблона, вечная пилильня за бабки, которых нет. Маникюр, шмотки, прическа, новый парфюм...

Этим же вечером Милана, вся на кочерге и нервах, завела разговор про развод.

Я догадывался, но чего уж точно не ожидал, так это того, что Ника под предлогом «поиграть» Мила уведет к соседке. Тошно сразу стало. Будто я реально чудовище, которое набросится на свою жену и ребенка, стоит им только остаться со мной за дверьми квартиры.

Ну а дальше все по «классике».

«Мы отдалились друг от друга», «как чужие», «зачем страдать» и бла-бла-бла.

Вот только, когда я спокойно согласился со всеми доводами жены и дал добро на развод, Миланка разревелась, а потом начала колотить посуду со словами, что я бесчувственный чурбан и не уделял ей внимания, а то она бы никогда...

Тссс.

Девочки, милые мои, если вы хотите уйти – уходите. Зачем этот плач Ярославны с показательным битьем посуды?

Женскую логику не понять. Она хочет уйти, а мне надо удерживать. Ради чего только? Чтобы удобненько сесть в уголок третьим? Нахер это мне?

Самое смешное, что я бы без труда пробил личность этого «дяди Игоря» и характер его отношений с моей женой.

Но пусть в этой истории только я буду козлом, окей?

Я где-то даже понимаю бывшую жену.

Презумпция невиновности, слышали?

Ну вот, пока не доказано обратное, моя бывшая жена для меня останется невиновной, а я сниму с себя ярмо виноватого. Ведь дыма без огня не бывает...

Такая вот кривая арифметика.

В общем, спустя три месяца суд развел нас с женой по разные стороны баррикад, установив равную опеку над ребенком. Мы видимся с сыном на неделе, и я могу забирать его к себе на все выходные. Табу стоит только на поездки в Сибирь.

Прошел год, думал, что уже всё устаканилось. У меня своя жизнь, у жены своя.

А сюрпризы продолжают сыпаться будто у меня внезапно приключился день рождения.

Сын закатил скандал и наотрез отказался ночевать, пришлось отправить его обратно к Милке.

Сэт умудрился найти дохлую крысу и заработал отравление. Как итог: вызов ветеринара, промывание, капельницы и куча бабла в карман эскулапу.

А покосившийся забор так и продолжает лежать на чужом участке на «радость» соседу.

Еще и сегодняшняя выволочка с «отпуском» как вишенка на торте...

Чую, весь этот звездеч случился, потому что меня походу прокляла одна ведьма с голубыми глазищами.

Беда бедовая... Так и не выходит у меня из головы.

И я хорош, повелся на провокацию, как пацан в пубертате. Не смог удержать член в штанах...

Да разве можно было устоять?

Яркая, острая на язык, горячая, как лава, чертовски сексуальная и гордая до зубной боли. А еще, оказывается, мстительная вредина.

В наушниках вдруг начинает играть какая-то попса, и я замираю.

«Это не девочка - это беда,

Я с такой, как она, ни за что никогда!

Странная девочка, и я ведусь...»*

Чо за нах? Сдергиваю «уши» и оборачиваюсь. Рядом, дер-

жа в руках мой телефон, стоит довольный Стас Мартынов.

- Ну что, *майор* Волков, тебя можно поздравить с очередной звездой?

Да пиздец вообще. Свалилась на меня тут одна «звезда».

* - *Te100стерон* «Это не девочка».

Глава 8. Крыса

Андрей

- И ты, Брут? - Я отвечаю рукопожатием другу. – Все уже в курсе?

- А то! – Подмигивает мой бывший сослуживец и земляк. – Хохма еще та...

Ну, блин, на это только закат глаз остается продемонстрировать. Другие свои таланты я уже продемонстрировал вчера и сегодня на «ковре» у начальства.

Со Стасом мы познакомились, когда он перевелся из Новосиба сюда, в столицу Поволжья. Я еще тогда носил погоны «летёхи», а новичка как раз определили в наш отдел.

Ну, сибиряк с сибиряком всегда найдет общий язык, так и случилось, что с Мартыном мы быстро скорефанились.

Общие интересы, общее дело, азарт в желании выслужиться и взлететь по карьерной лестнице... всё это не развело нас, как противников, на два угла ринга, а сделало союзниками.

- Как сам-то? Давненько мы с тобой не пересекались. – Смахиваю пот с лица.

- Как хуй по трусам, - скалится Мартынов. – Кресло твое старое выбросил, как ты вообще на нем сидел?

- Неужели капитан?! – тут же догадываюсь по старой шутке. – Мои поздравления, брат, заслужил!

Похлопываю этого здоровяка по плечам. Моя радость совершенно искренняя, вот уж кто точно пашет больше моего, так это Стасян. Но из-за злого языка плохо ладит с начальством, а то в свою очередь гайки-то прикручивает бравому оперу.

- Когда проставляться будешь, а, капитан Мартынов? – подкалываю, понимая, что со службой, как наша, это случится еще не скоро.

- Когда рожу твою чаще раза в год видеть буду! – Стас пихает меня в живот. – Если еще и зал забросишь, Волчара, смотри, как бы однажды на пузе пивная противоугонка не выросла.

Ржем, обмениваясь пикировками.

- Чо там с Единорогом? Поймали мудака? – В осведомленности Мартына я и не сомневался.

- Да глухо пока. Падла, будто чует, что пасем его, - морщусь, растирая кулак. – Носа не кажется, дилеры все «левые»... Еще и в отпуск выгнали. Всё прям мимо кассы.

Про то, что нашел способ подобраться к подонку поближе, молчу. Один хер, пока только в разработке...

- И кому Гора отдал твою будущую звезду на погонах?

- Куньев подхватит.

- Да ладно?! Ваш этот Жорка Куни? – Стас только качает головой, а мне хочется от досады зубами скрипеть.

Чертов Куни не просто так получил свое прозвище. Этот персонаж знает всё о том, как часто и насколько тщательно

нужно лизать всем тем, от кого зависит твое повышение по службе.

И я даже догадываюсь, что Смородина не просто так передал дело ему, а чтобы проучить одного зарвавшегося капитана.

Только Куни палец о палец не ударит. Спихнет всю текучку на Соловьева и Зайцева, а сам потом будет пороги оббивать и грудь колесом выпячивать, рассказывая, как в одиночку, очка не жалея, борется с преступностью в городе.

Трутень, блять.

Таких выродков надо на хер из органов гнать. Пусть вон с ПЕПсами ездит, дубинкой машет, но, сука, не мешает нормально работу делать.

Из-за таких, как Куни, раскрываемость в отделе стремится к нулю, а недовольство кипит где-то уже под самой крышкой.

Знаю, что заслужил эти показательные выступления, но кто бы знал, как обидно, что Единорога упустить можем, и этот покемон опять скроется, оставив за собой только трупы.

Минуту бы дал знатокам из древней передачи, чтобы угадать, почему такое прозвище дали. Эти ученые умы какую-нибудь дичь про магию бы стали затирать, про рог волшебный, мифы-хуифы... и один хер бы не угадали.

Наш «кухарь» придумал фишку свою – добавлять блестки в синтезированный наркотик. Раньше фанаты сериала «Во все тяжкие» стремились подражать киношному химику и

«варить» это говно синего цвета. А Единорог вот решил быть не таким, как все.

Итог его творчества мне пришлось наблюдать лично, когда в притон нагрянули. Четыре трупа с блестящими дорожками крови из-под носа.

З-з-з-затейник, мать его.

Наши в лаборатории до сих пор охуевают над составом. Я не силен в этих километровых формулах и прочей химической фигне, но и моего ума хватило понять, что это убойная штука. В самом прямом смысле слова.

Год по трупам за этим Уолтером Вайтом гоняемся. Всех дилеров, что замарались с ним, потом среди этих трупов находим с передозом. Умный гнида... и работает явно не один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.